

3) Как русское правительство видѣло за Петрункевичем и даже Хомяковым бомбометателей, так Франція видѣла за Штреземаном и Брюнингом Кайзера и Гитлера. 4) Жалкія попытки уличить посмертно Штреземана в соглашательствѣ с «заговорщиками» против договоров свидѣлствуют о наступленіи для Европы протопоповскаго момента, когда власть утѣшала сама себя и оправдывала себя в том, что не повѣрила октябристам и кадетам, и когда уже поздно было пробовать опереться на октябристов и кадетов, — как сейчас для народов побѣдителей уже поздно пытаться сдѣлать ставку на партію центра и на социал-демократов.

Раз уже я вступил на путь сопоставлений, позволю себѣ еще одно, которое напрашивается при чтеніи книги Жувенеля. В ней отдѣльная глава посвящена политикѣ Бриана. Автор (напомню, что он говорит еще о Брианѣ, как живом человѣкѣ) судит ее очень строго. Жувенель упрекает Бриана в том, что он в сущности ничего не добился — и это потому, что ничего серьезнаго не добивался («cet homéopathe...»). Он создал «дух Локарно»? Меньше всего он: этот «дух» создан прессой, за которой стоит нуждающийся в мирѣ финансовый капитал. Мнѣ кажется, что автор к Бриану несправедлив, — как в свое время было несправедливо русское общество к Витте. Трагедія этих людей, как трагедія Штреземана и Брюнинга, была в том, что они брали на себя отвѣтственность за власть, которой

они на самом дѣлѣ не располагали. Самодержец, с которым был вынужден считаться Бриан, Herr Omnes, величина особаго рода. В концѣ концов, он мог сам превратиться в орудіе Бриана. Для этого требовалось его воспитать в «духѣ Локарно». Бриан это и дѣлал. Не его вина, что он не успѣл довести своего дѣла до конца.

Б. Бицилли.

Georges VALOIS. Un nouvel âge de l'humanité. 1928.
Georges VALOIS. L'Economique. 1931. Paris. Librairie Valois.

Жорж Валуа — анархист... роялист... фашист... республиканец. «Я мѣнялся лишь в деталях — увѣряет он, повидимому, с полной искренностью — а в основном оставался вѣрен себѣ».

Он начал молодым, жадным до разрушенія *libertaire*’ом. Провел 20 лѣтъ вѣрным, хотя и своевольным соратником Морраса, возглавляя «Union des Corporations Françaises». Затѣм, круто и шумно порвав с «Action Française», вдохновленный призывом Муссолини, пытался триахнуть Франціей, паскоро сколотив когорты своих собственных фашистов — «синерубашечников». Что случилось потом с когортами — неизвѣстно, но Ж. Валуа уже в лѣвом лагерѣ, в качествѣ революціонера, синдикалиста, республиканца... По стороннему впе-

чатлївно, казалось бы, дѣятель, — в лучшем случаѣ, не серьезный... Но не так смотрит на Валуа французская общественность, не отказывая ему ни в уваженїи, ни во вниманїи.

Его издательство играет не малую роль, объединяя живыя, новаторскїя силы в синдикалистской и социалистической средѣ, стимулируя большую работу мысли. Чтобы играть такую роль, нужно заслужить репутацію искренности.

Когда человек со столь пестрым прошлым заявляет, что остался неизмѣнным в наиболѣе существенном, то можно думать, что он прошел через свою жизнь либо цѣнную идею, либо навязчивую формулу.

Неизмѣнная идея его — низверженіе плутократїи и созданной ею іерархїи цѣнностей. Валуа глубоко и остро чувствует обреченность существующаго и близость новаго. С его страниц, с его строк смотрит: «*Novum regum mihi nascitur ordo*». Не новая эра даже, а новый вѣкъ, *Rage* *pour* *vous*. И Валуа стремится понять происшедшее, ибо наше непониманіе может превратить творческую революцію в разрушительный катаклизм.

Он много говорит о свободѣ, но вряд ли глубоко проникнут ею: в его взглядах — своеобразная биологическая проекція Контовской религїи человечества, а роль личности — служебная. Вид *Homo Sapiens* для своей побѣды над природой, для полноты жизни даже на «схолодѣющей землѣ», пользуется основными за-

конами, опредѣляющими нашу дѣятельность: законом наименьшаго усилїя; интеллектуализаціи усилїя; взаимнаго принужденїя.

Таким образом, труд не раскрывается для Валуа, как творчество. Конструируя государство производителей, гдѣ труд будет высшим критеріем, он в то же время истолковывает человека, как существо, работающее лишь поневолѣ и возможно меньше («наименьшее усилїе»). Умственная работа, изобрѣтенїя, побѣды техники — лишь результат требованїй, предъявленных усталыми мускулами к мозгу. (Или, в общественном масштабѣ, недовольными рабочими к господствующим классам).

Но «стремленіе к наименьшему усилїю» может вызвать, вмѣсто технических достиженїй, паразитизм личный и социальный (прежде всего военный), пронизывающїй всю исторїю человечества.

По мнѣнїю Валуа, стремленіе вида совпадает с побужденїем производителей уничтожать постепенно всѣ категорїи паразитизма. И он отмѣчает, что французская буржуазїя, совершив великую революцію в качествѣ класса производителей, измѣнила своему назначенїю, создав строй, в значительной мѣрѣ паразитарный.

Особенность нашего времени в том, что бурный рост техники, под напором изобрѣтенїй, встрѣчает препятствїя и создает коренныя противорѣчїя в существующем социальном строѣ и, одновременно, порождает всесильную, плутократическую олигархїю, пе-

ред которой пасует современное государство.

Хозяйственный индивидуализм уничтожается силой вещей, но истинные творцы нового мира, изобретатели и техники-организаторы остаются в подчинении у паразитарных классов. Происхождение этого нового творческого класса — из творческих сил и буржуазии и пролетариата. Ключ к будущему в союзѣ его с народом, с рабочими синдикатами.

Валуа детально анализирует современный социально-хозяйственный процесс и его тенденції, по лучшим образцам научнаго социализма. Но, кажется, в разсужденіях его своеобразные отзывы Руссо заглушают Маркса. И если в прошлом человечество не знало «естественнаго» состоянія, то оно с необходимостью познает его в недалеком будущем. Ибо, хотя грядущее «техническое» государство производителей и обусловлено коренными нуждами нашего времени, но одновременно, почти что провиденціально, оно оказывается социальной проекціей основных психо-физических свойств человѣка, что, разумѣется, стимулирует до послѣдних предѣлов его творческія возможности и мощь.

Я надѣюсь дать, в иной связи, характеристику «техническаго» государства Ж. Валуа. Здѣсь же достаточно отмѣтить, что государственной власти отводится функция координації и контроля, а производство будет вестись на началах соглашения между синдикатами техников-организаторов с синдикатами рабочими. (Одна из

функций послѣдних «требованія мускулов к мозгу», без чего, по Валуа, невозможен прогресс).

Подчеркиваются всемирныя гарантіи личной свободной инициативы. Быть может, права личности были бы надежнѣе гарантированы во всей этой схемѣ — при меньшей заботѣ о человечествѣ и большей заботѣ о человѣкѣ..

Валуа указывает на двѣ попытки приближенія к «техническому» государству — Соединенные Штаты и Советскую Россію. Но в одном случаѣ на лицо извращеніе плутократическое, в другом — бюрократическое. И Валуа призывает Францію возглавить истинную, творческую революцію, которая может еще спасти гегемонію старой Европы.

Он вѣрит, что, когда техническое государство раскрѣпит всѣ силы человечества, когда ложныя цѣнности будут откинуты, и выше всѣх доблестей вознесется доблесть труда, то внѣ и выше государства, ставшаго простым «техническим бюро» расцвѣтут духовныя силы человечества в области морали, метафизики, религии.

Быть может, запас творческих идей Ж. Валуа недостаточен для такого «преображенія мира». Но работа его мысли и качества неукротимаго общественнаго бойца войдут одним из элементов в переживаемую нами историческую драму.

Сергѣй Жаба.